

вертой 4-й книги «Истории»⁵⁴; прибавлю только следующее: Обинье предсказал двум негодяям, что им скоро отрубят головы, и даже определил, сколько ударов получит каждый.

Упреки со стороны церковных общин за Обинье и горечь утраты вызвали в короле сожаление, а обнаруженные измены врагов Обинье еще усилили это чувство. К этому примешалась ревность и страх, что покровительство над церквями перейдет к герцогу Казимиру. К тому же государь часто слышал или сам передавал множество рассказов о подвигах Обинье. Все это вынудило короля Наваррского снова призвать его четырьмя письмами; но Обинье бросил их в огонь. Между тем бунтарь узнал, что государь, услышав о событиях в Лиможе и считая, что Обинье попал в плен, велел заложить кольца своей жены, чтобы выкупить его; но не это все тронуло Обинье, а известие, что король, считая его обезглавленным, чрезвычайно опечалился и несколько дней не принимал пищу.

Ла Булэ однажды обсуждал с ла Мадленом ссору между ним и Обинье, и тот рассказал, как их задумали столкнуть без всякой на то причины, тогда ла Булэ с юной горячностью бросился на него со шпагою, затем пообещал ему призвать к себе на помощь друга. Обинье, которого ла Булэ известил о случившемся, решил, что дуэль должна произойти при Наваррском дворе. Он написал ла Булэ, веля ему устроить ужин и ночлег в ла Мадлен, чтобы поутру им вместе выехать оттуда и сразиться на полпути меж Барбастом и Нераком, в одних рубашках, на шпагах и с кинжалами. С этой целью он доехал на перекладных до Мэр, что близ Орлеана, в Кастель-Жалу, откуда послал слугу; тот доставил ему в Варбаст письма, которыми ла Булэ уведомлял его, что договор заключен и что ла Мадлен переночует в одной с ним комнате, дабы не проспать поединок. Назавтра Обинье, помолившись и плотно позавтракав, поджидал в условленном месте, как вдруг завидел двух всадников, из коих скачущий впереди ла Булэ еще издали закричал ему: «Чудо! Поединка не будет!» Ибо противника в полночь разбил паралич, лишив владения всеми членами. «Вот, — подумал Обинье, — как услышаны мои молитвы». Позднее, восемь лет спустя, Обинье повстречал ла Мадлена в Монтобане; тот шел со шпагою, но одеревенелою походкой; Обинье послал к нему Фронтенака узнать, в достаточной ли мере вылечился его противник и в состоянии ли он будет сразиться с ним, к чему Обинье весьма стремился; ответ был «нет», и Фронтенак вернулся ни с чем к своему другу, ожидавшему его за городскими воротами, хотя Ренье и Фава горячо отговаривали его от дуэли; Обинье же непременно желал поединка, к чему побуждала его громкая слава недруга, который убил восьмерых дворян, не потеряв притом ни единой капли крови.